

Н. В. Суржикова

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ИТОГИ ДИСКУССИИ

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-196-198

14–17 сентября 2021 г. в Екатеринбурге прошла научная конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте».¹ Организованная в рамках поддержанного Российским научным фондом одноименного проекта, реализовывавшегося в 2019–2021 гг. на базе Института истории и археологии УрО РАН, конференция ориентировалась на широкий интерес общества к проблемам исторической памяти, сохранения общечеловеческих ценностей и социокультурного разнообразия.

Почему люди начинают писать о себе и своей жизни? Что ими движет? Какие формы и средства они предпочитают? Как личные истории людей соотносятся с «большой» историей? Чем при этом определяется логика отбора событий? Отличается ли она в дневниках или воспоминаниях, путевых записках или автобиографиях, частной переписке или «письмам во власть»? Что здесь важнее: формат документа, исторический контекст или личность автора? Эти и другие вопросы в течение четырех дней обсуждались участниками конференции в рамках шести научных сессий: «Эго-документы: толкования, форматы, методы исследования», «Эго-документы “эпохи катастроф”»: нормализация экстремального опыта»; «“Большое” прошлое и его версии в условиях советского эксперимента», «Эго-документы: между историей и литературой», «Дневники: авторы и тексты», «Присвоение исторически значимого в эго-документах».

Началом обстоятельного и заинтересованного разговора об эго-документах стало обсуждение терминологических, историографических и методологических аспектов темы. Ее безусловный знаток Ю. Зарецкий при этом констатировал, что традиция рассматривать авторов эго-документов как картезианских субъектов, а созданные ими тексты как источники, рассказывающие, «как это действительно было», пока еще достаточно сильна. Однако это не мешает формироваться направлению

исследований, в рамках которого различные самосвидетельства трактуются как специфические социальные практики и коммуникативные акты, что и позволяет увидеть принципиальные различия образов авторского Я. Иначе говоря, именно это объясняет тот факт, что в письмах к родным, дневнике «для самого себя», адресованных будущим поколениям советских людей воспоминаниях (о «покорении целины», например), или автобиографии, написанной для своих детей и внуков, один и тот же человек позиционировал себя по-разному. Особую важность для понимания природы и существа этой разницы имеет не только жанровая специфика эго-документа; в не меньшей, возможно, даже большей степени она формируется контекстом его рождения, что опять-таки свидетельствует о необходимости рассмотрения эго-текстов как социальных и коммуникативных опытов.

Тему контекста создания эго-документов советского времени в своем выступлении подхватил другой участник конференции, О. Лейбович. Казалось бы, сузив свою исследовательскую задачу до анализа специфики производства и использования вполне конкретной разновидности эго-документов «в лице» советских автобиографий, он этим не ограничился. О. Лейбович также убедительно показал, что активно конкурирующее в последнее время с термином «эго-документ» понятие «автобиография» вряд ли способно его заменить, по крайней мере в случае с историей России первой половины XX в. Став сводом стандартных ответов на стандартные вопросы стандартной анкеты, советская автобиография потеряла свою автодокументальность, сохранив в себе черты эго-документа лишь в некотором смысле, особом для каждого конкретного случая. Это лишний раз подтверждает, что понятие «эго-документ», будучи понятием зонтичным, с одной стороны, вполне операционально, а с другой — неконфликтно.

При этом применение понятия «эго-документ» в рамках различных дисциплин способно существенно расширить имеющиеся представления о самоописательных практиках. Именно это засвидетельствовало выступление

¹ См.: Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Веселкова Н. В. [и др.]. М.; Екатеринбург, 2021.

Е. Рождественской, посвященное анализу такого специфического опыта самопрезентации, как современные резюме, или *curriculum vitae* (CV). Хронологически выходя за обозначенные конференцией временные рамки первой половины XX в., оно лишним раз подчеркнуло не только важность контекста создания эго-документа, но и значимость контекста его использования. Приведенная Е. Рождественской трактовка профессиональных резюме как своего рода отчета о процессах накопления индивидуализированного или группового социального капитала представляется перспективной или как минимум небезынтесной при ее использовании для анализа иных форм «рассказов о себе».

Свои модели прочтения и толкования как отдельных эго-документов, так и их групп вслед за Е. Рождественской предложили и другие участники конференции. Так сложилось, что особого внимания при этом удостоились прежде всего дневники времен Великой Отечественной войны. И. Савельева, отталкиваясь от таких текстов, представленных на платформе электронного архива дневников «Прожито», заострила внимание на их двух удивительных чертах — зримой согласованности (конвенциональности?) записей в дневниках военного времени (сюжетообразующих тем, образцов опыта, характеристиках эмоций и языковых особенностях в целом), во-первых, и их отрешенности от «большого нарратива», который творился уже во время войны в печати, кино и литературе, во-вторых. А. Кабацков увидел в одном из дневников военного времени — дневнике рабочего завода № 19 им. И. В. Сталина (г. Молотов) А. И. Дмитриева — возможность поразмышлять на тему умолчаний и игры слов, свойственных, очевидно, не только этому дневниковому повествованию военной поры.

Еще более интересный подход к прочтению дневника представила И. Савкина. Остановившись на, казалось бы, хорошо известных специалистам предвоенных и военных дневниках сына М. Цветаевой Георгия Эфрона, она попыталась оценить, что может дать его анализ через призму проблемы адресованности. В итоге оказалось, что главным адресатом его дневников была не только и не столько некая важная для дайариста группа признания, некое виртуальное *Мы*. Главным адресатом дневников Г. Эфрона, заключила И. Савкина, был сам Эфрон, но не настоящий, а будущий, — адресат, ко-

торый может быть определен как *Я-Ты*. Трактуемый с таких позиций дневниковый текст превращается в убежище автора, обещание будущего и прежде всего встречи с самим собой будущим, воплощая не просто иллюзию жизни, а саму жизнь, о чем склонный к саморефлексии дайарист прямо пишет на страницах своих тетрадей.

Участники конференции на материалах самых разных исследований эго-документов показали, что постичь смысл и значение любого «рассказа о себе» может помочь не только стратегия «внимательного чтения». Этому также способствует погружение того или иного эго-документа в широкий межисточниковый контекст, который может быть представлен как одножанровыми, так и разножанровыми текстами. При этом, как продемонстрировали участники конференции, такое погружение вовсе не предполагает ни восприятия эго-документов как массовых источников с их последующим анализом с позиций уподобления, ни их маргинализации и расподобления на фоне других видов исторических посланий. В частности, речь на конференции шла о том, что даже в схожих, например, синхронно созданных эго-документах одного жанра авторское *Я* всегда остается очевидным, обнаруживая свои следы в структурировании повествования, рефлексии (или ее отсутствии) на предмет мотивов самоописательной деятельности, выборе сюжетов и героев своего повествования. Именно об этом в своем докладе говорила Н. Родигина, обращаясь к примеру «организованной» корпоративной памяти в воспоминаниях новосибирских учителей 1920-х гг.

Другие участники конференции, поддержавшие идею изучения эго-документов в формате межисточниковых диалогов, зафиксировали, что оно дает в ситуации переключки тех или иных самосвидетельств со свидетельствами прошлого совсем другого характера: периодической печатью, художественно-публицистическими произведениями, изобразительными материалами и невербальными источниками вообще. И Н. Граматчиковой, и Б. Колоницким, и Ю. Подлубновой, и Н. Пушкаревой, и И. Нарским, на каких бы исследовательских позициях они ни стояли (нарративного анализа, гендерной истории, «новой материальной истории» и др.), было прямо или косвенно указано на то, что работа с личными свидетельствами может привести исследователя не только к уточняющим результатам,

но и к большим неожиданным находкам. Они, в свою очередь, не просто дают возможность поразмышлять о проблеме самоактуализации личности на фоне массофикации социальных процессов. Конференция подтвердила, что, работая с эго-документами, мы практически каждый раз получаем иной фокус и иную оптику. Но, погружая эго-документы в широкий межисточниковый контекст, мы можем увидеть, как, несмотря на разницу фокусов и оптик, люди проговаривали (прибегая в том числе и к невербальным средствам), усваивали и присваивали исторически значимое, тем самым изобретая те самые конвенции в отношении прошлого и настоящего, которые так или иначе примиряли их с ними.

Стоит ли удивляться, что тема «конструирования», «консервации» и «разархивации» личных историй стала еще одной сквозной темой конференции. В своих выступлениях ее так или иначе коснулись Н. Веселкова, Я. Голубинов, М. Ромашова, Н. Суржикова и др., параллельно обозначив, хотя и по-разному, проблему автора каждого конкретного эго-документа или комплекса разнообразных эго-материалов. При этом всеми докладчиками было отмечено, что, выступая как участник, очевидец, собиратель, хранитель или исследователь тех или иных событий, любой автор вырабатывал своеобразную стратегию, призванную сделать его «рассказ о себе» самоценным. Но такая стратегия едва ли могла быть по-настоящему новой и оригинальной, учитывая, что степень само-

ценности своего Я-свидетельства его создатель мог оценить, опираясь на другие аналогичные свидетельства. Именно поэтому и «архивное воображение» В. Соколовой, о котором говорила М. Ромашова, и самобытный язык А. Коревановой (Н. Веселкова), и претензии на место в истории И. Волкова (Н. Суржикова) — все это, как и любой другой авторский «произвол», в случае с эго-документами и их собраниями имело свои пределы, характеризуя природу которых максимально коротко, достаточно вспомнить поэтическую строфу А. Кушнера «Времена не выбирают...». Но это, как подчеркнули в своих выступлениях Н. Веселкова и Я. Голубинов, заставляет исследователя задуматься еще над одной проблемой — проблемой коллективного, где-то даже многослойного авторства эго-документов и их комплексов.

Таким образом, главное, что показала конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте», — это необходимость дальнейших «эго-изысканий», причем, безусловно, разнонаправленных. Вместе с тем даже небольшая, но содержательная дискуссия, посвященная эго-документам, продемонстрировала, что они в ближайшей перспективе вполне могут быть квалифицированы как особый, где-то даже альтернативный официально санкционированным, «казенным» документам источниковый метатекст, который особым образом задумывается, производится, хранится и используется.

*Суржикова Наталья Викторовна, д.и.н.,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)*